

ЭВАКУИРОВАННЫЕ

Их разместили в районном клубе. Было тесно. Дети плакали. Местные девушки, осторожно обходя грязные свертки, изломанные чемоданы, брали детей на руки, успокаивали.

На дверях городекой столовой мелом написали: «Закрыто. Обед для эвакуированных».

Они часто голодали в дороге, когда «он» — немец бомбил эшелоны, и приходилось, не шелохнувшись, лежать на колючей траве в лесу.

Эвакуированные жили недавним страшным и с удивлением приглядывались к жизни маленького города, на вид как будто и не тронутого войной. Оттого, что они так много уже пережили, а горожане и не знали еще, что такое война, пробивалась иногда неоправданная обиды и мешала сживаться с людьми.

Петр Булычев с семьей определился на квартиру в нескольких километрах от завода, где устанавливались ремонтные мастерские. Вечерами жена Валентина Ивановна плакала, вспоминая родной город, сестру, убитую осколком снаряда, жаловалась на тяжелое начало новой жизни.

— Отстань, — сердито говорил Петр. — И без тебя тошно.

Валентина Ивановна, обиженная грубостью мужа, всегда тихого и ласкового, уходила с детьми в поле.

Не успели Булычевы разложить в квартире немудреные пожитки, как на станции стали выгружать

танки, израненные снарядами, ржавые, с перекошенными пушками, подбитыми гусеницами. Их должны были вернуть к жизни рабочие мастерских, и план был задан такой, что Петр сказал приятелю Дубинчику:

— Нет! Не выполняю.

Но на третий день после приезда выпустили из ремонта первый танк. Живой, подвижный, тархтел он в сумерки на поле, и здесь первый раз за темные дни войны повеселели рабочие, будто танк этот утешил их словами: «Видите, друзья, и здесь жить можно, нужно, раз вы продолжаете с немцами бороться».

Постепенно наладились рабочие дни, уютнейшие пятнадцатичасовым трудом; к сотням оживших танков примелькались глады.

В городе было еще с десяток заводов; в первые военные дни они по-мирному дымили неторопливо; то сырьё во-время не подвозили, то топлива нехватало. И нередко было, что стоило начальству поехать в окрестные деревни, заставить возчиков делать три-четыре еадки в лес, как и сырьё и топливо появлялись в изобилии.

Ремонтники, возвращаясь поздно ночью в квартиры, с сухими от усталости глазами, будили энергию местных людей, без слов указывая:

— Вот как нужно теперь работать.

Валентина Ивановна обзаводилась хозяйством. Пару котелков

подарила хозяйка: «Бери, не отказывайся, мы ведь понимаем нужду вам, эвакуированную». Детской одежкой горсовет помог, многое сами купили. Незаметно, а вгрызались в новую жизнь.

Вечерами мечтали попрежнему: — Ох, скорей бы фашиста гуляли. Что там сейчас на родине?

— А мой Федор там воюет, на юго-западном, — однажды сказала хозяйка и показала письмо.

— Да ну, — обрадовалась Валентина Ивановна. — Может он что напишет про наши места?

С этого дня она тоже стала ждать писем хозяйкиного сына и сблизилась со строгим, аккуратной старухой.

Перед новым годом на партийном активе секретарь райкома партии торжественно сказал: «Коллектив ремонтных мастерских выполнил правительственное задание на 200 процентов. Надо нам у них учиться, товарищи!».

Выхлопотав разрешение, в мастерские пошли старейшие местные рабочие, смотреть, как приезжие люди добиваются таких успехов. Комиссар повел их в цех. Тридцатиградусный мороз обжигал щеки. Под навесом у старого сарая в поддевках стояли люди, стучали лыжками от мороза молотками по броне. В руках Петра Булычева шипел автоген. Греться в сарай ходили поочереди, тут же на костре кипел чайник.

— Что скажешь, — спросил, улыбаясь, комиссар у известного городу стахановца.

— Народ у вас героический, комиссар... Посмотрим, посоревнуемся...

В апреле местная промышленность выполнила план.

Приметно было, что городок уже не тот, довоенный; теперь бурлил он десяти — двенадцатичасовым рабочим днем и велел за ожившими танками по дороге на фронт тархтели автомашины, нагруженные доверху продукцией местных заводов.

А весной рабочие мастерских договорились с колхозниками построить бронепоезд сверх плана.

В числе других длинными вечерами бронепоезд строил Петр Булычев. Жадно вдыхая сочный запах весенней земли, он скидывал парусиновые варежки, согревал молоток подмороженными руками и тихоко пел: — Эй, ухнем, э-эй, ухнем, еще, еще раз...

Бронепоезд построили и торжественно отравили на фронт. Первый раз за этот год Булычевы вытащили из чемоданов праздничную одежду, а Валентина Ивановна вместе с хозяйкой изготовила дымный украинский борщ.

Ночью, когда Петр снимал у постели ярко начищенные сапоги, Валентина Ивановна задумчиво сказала:

— А знаешь, Петя, люди тут все же подходящие. Вот давеча на собрании...

И долго еще сквозь дрему слушал Петр рассказ о хорошей душе людей небольшого волжского городка.

С. ХЕНТОВА.